

Сделка хозяйственного общества с заинтересованностью аффилированных лиц как инструмент защиты прав инвесторов

Д.И. МИХАЙЛОВ

Рассматривается целенаправленность сделок с заинтересованностью как составляющая их правовой природы. Анализируются экономические и правовые особенности сделок хозяйственного общества с заинтересованностью аффилированных лиц. В статье обосновывается целесообразность учета факторов, обуславливающих целесообразность сделок с заинтересованностью, при совершенствовании правовых норм, регулирующих такие сделки.

Ключевые слова: сделки; аффилированные лица; целенаправленность; хозяйственное общество; акционерное общество; правовая природа; экономические особенности; правовые особенности.

The purposefulness of transactions with interest as making their legal nature is considered. Economic and legal features of transactions of an economic society (joint-stock company) with interest of affiliated persons are analyzed. The appropriateness of accounting factors determining the feasibility of related party transactions for improvement of legal rules governing such transactions is explained.

Key words: transactions; affiliated persons; purposefulness; economic society; joint-stock company; legal nature; economic features; legal features.

Введение. Одна из важнейших задач, стоящих перед правовой системой любого государства, – создание высокого уровня защиты прав и законных интересов инвесторов. Объём инвестиций, привлекаемых в экономику того или иного государства, во многом зависит от содержания правовых норм, которые регулируют отношения, складывающиеся по поводу защиты прав и законных интересов инвесторов. Правовые нормы, обеспечивающие более высокую степень защиты инвестиций, являются весомым конкурентным преимуществом государства в сфере привлечения иностранного инвестиционного капитала.

Высокий уровень защиты прав инвесторов может быть достигнут при создании эффективных гарантий прав участников отношений, регулируемых как нормами публичного права, так и частного. Предусмотренные нормами законодательства об инвестиционной деятельности и международных соглашений гарантии прав инвесторов, в частности: гарантия от безвозмездного изъятия инвестиций, гарантия от неблагоприятного изменения законодательства, гарантия свободного распоряжения инвестиционным доходом по своей правовой природе являются публично-правовыми [1], [2]. Однако из содержания международных соглашений о взаимной защите инвестиций не следует делать вывод о второстепенности гарантий прав инвесторов как участников отношений, регулируемых частным правом.

Правовые гарантии, предусмотренные нормами гражданского законодательства Республики Беларусь и других государств СНГ, направлены на поддержание определённого уровня защиты прав инвесторов как самостоятельных субъектов. Такие гражданско-правовые нормы, как например норма о переходе прав и обязанностей участника общества на приобретателя имущественного права на долю в его уставном фонде, рассматривают инвестора в качестве субъекта, чьи права должны обеспечиваться индивидуально. Значительно меньшее внимание при разработке частно-правовых норм уделяется опосредованной защите инвестиций. Под опосредованной защитой инвестиций следует понимать совокупность таких гарантий, которые обеспечивают защиту имущественных интересов юридического лица, участником которого является инвестор. В нормах гражданского законодательства имеет место приоритет защиты прав кредиторов и участников юридических лиц, что в целом позитивно. Однако обеспечение высокого уровня защиты прав инвесторов и участников компании возможно только на основе комплексного подхода к системе правовых гарантий.

Эффективность защиты прав участников компании во многом зависит от уровня защиты интересов самой компании. Индивидуализация правовых гарантий участников юридического лица может привести к ухудшению экономического положения самой организации и в итоге – к утрате реальной возможности удовлетворения материальных потребностей её участников. В этой связи следует отметить слабые стороны таких теорий юридического лица, как теория «фикции» (концепция Савиньи) и теория «персонифицированной цели» (концепция Бринца) [3]. Данные концепции, отрицающие существование юридического лица как самостоятельного субъекта, рассматривают его как фиктивное образование, созданное для удовлетворения потребностей физических лиц. Юридическое лицо действительно создается для удовлетворения материальных потребностей, однако, из этого не следует, что защищать и гарантировать соблюдение его прав не следует. В настоящее время признак самостоятельности юридического лица закреплён в нормах гражданского законодательства большинства государств. Однако система гарантий прав компании от противоречащих её интересам действий недобросовестных участников и органов управления находится в зачаточном состоянии. Одним из значимых шагов в направлении повышения уровня защиты интересов в Республике Беларусь явилось законодательное закрепление правовых норм, регламентирующих сделки хозяйственных обществ с заинтересованностью аффилированных лиц.

Однако отсутствие достаточной теоретической базы и универсальных подходов к правовой регламентации сделок с заинтересованностью в мировой практике привело к возникновению пробелов и недостатков в нормах о сделках с заинтересованностью. Наличие таких пробелов и недостатков отрицательно сказывается на эффективности механизма реализации гарантии прав хозяйственного общества и его инвесторов.

Основная часть. Реализация гарантии прав хозяйственного общества и его участников представляет собой основную функцию правовых норм о сделках с заинтересованностью. Стержневым элементом соответствующей гарантии является особый порядок совершения сделок с заинтересованностью, а также недействительность сделок, совершённых с нарушением особого порядка. Цель указанной гарантии – предотвращение и устранение последствий сделок, которые были совершены под влиянием определённого субъекта и повлекли за собой неэквивалентную передачу активов общества. Достижение данной цели определяется рядом факторов, которые могут привести к совершению обществом сделки в ущерб его интересам, а также интересам инвесторов. К таким факторам следует отнести:

- степень влияния того или иного субъекта на общество;
- направленность имущественных интересов субъектов, способных оказать существенное влияние на общество;
- степень ущерба, который может быть причинён в результате совершения сделки, заключённой под влиянием указанного субъекта и др.

Необходимость анализа данных факторов обусловлена, тем, что недействительность сделок заинтересованностью аффилированных лиц не может быть признана в силу несовпадения воли и волеизъявления хозяйственного общества. Именно по этой причине определить целенаправленность самих сделок с заинтересованностью значительно сложнее, чем целенаправленность особого порядка их совершения. Однако эффективность такого порядка совершения указанных сделок, напрямую зависит от правильной оценки целенаправленности самих сделок с заинтересованностью аффилированных лиц.

Одним из условий действительности (легитимности) гражданско-правовой сделки является наличие обоюдной воли сторон на возникновение правовых последствий, обусловленных содержанием данной сделки. При этом воля и волеизъявление каждой стороны должны совпадать [3, с. 254]. Содержание многих оснований недействительности сделок основано именно на искажении волевого компонента [3, с. 250–254]. Часть 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, Гражданский кодекс Республики Беларусь, как и акты гражданского законодательства многих других государств, предусматривают такие основания недействительности гражданско-правовых сделок, как «кабальная сделка», «сделка под влиянием заблуждения или обмана» и др. Однако совершенствование экономических отношений и правовых норм, регламентирующих такие сделки, породило более сложные формы негативного воздействия со стороны недобросовестных участников. На протяжении продолжительного

периода времени одной из определяющих форм негативного воздействия с целью получения неосновательной экономической выгоды являлось прямое давление на субъекты хозяйствования посредством заявления о намерении реализации негативных последствий (угроз) в случае непринятия субъектом хозяйствования определённых условий сделки. Другой формой негативного экономического воздействия долгое время являлось введение контрагента в заблуждение относительно сущности условий сделки. В течение длительного периода две данные формы негативного экономического воздействия являлись преобладающими. По мере развития цивилизации данные формы совершенствовались, модифицировались, приспосабливались к содержанию правовых норм для усложнения констатации их противоправности, но в основе этих конструктивных форм по-прежнему лежали «давление» и «обман».

Постиндустриальный период развития цивилизации характеризуется качественно новым уровнем экономических отношений [4, с. 530–532]. Значительно повышается роль организационного, информационного и ряда других факторов. Усиление этих факторов не могло не оказать влияние на формы негативного экономического воздействия. Поэтапно возникла новая форма негативного экономического воздействия – использование экономической зависимости контрагента для неосновательного приобретения имущества иных субъектов. Под использованием экономической зависимости контрагента следует понимать заключение сделки с экономически зависимым контрагентом для получения неосновательной выгоды не за счёт этого контрагента, а за счёт третьих лиц, например, иных участников хозяйственного общества. Вторая половина XX в. характеризуется взаимопроникновением капитала и созданием разветвлённых организационных экономических структур [4, с. 531–532]. Именно в данный период сформировалась косвенная экономическая зависимость, обусловленная именно разветвлённостью дочерних, зависимых и контролируемых иным образом компаний. Этот же период характеризуется усилением роли экономического влияния по сравнению с военно-политическим. Современная глобальная экономика исключает внеэкономическое принуждение стран [4, с. 528]. Значительное влияние приобретают государства, имеющие умеренные, а иногда и символические вооружённые силы. Наиболее выразительными примерами указанной тенденции являются такие страны, как Германия и Япония.

Изменение характера конфликтов не могло не сказаться на инструментах экономического воздействия. Использование экономической зависимости контрагента для неосновательного перераспределения капитала имеет ряд существенных отличий от преобладающих ранее форм экономического воздействия (давления и обмана). Одним из таковых является отсутствие искажения воли участника сделки. Тогда как давление и обман приводят к несовпадению воли и волеизъявления. Давление влечёт возникновение неадекватного волеизъявления посредством различных угроз, обман – посредством искажения представления об условиях сделки. Совершенная, многократно апробированная система оснований недействительности сделок, привела к созданию сравнительно эффективного механизма защиты прав и законных интересов добросовестных участников экономических отношений. Использование экономической зависимости контрагента не влечёт искажения волеизъявления. Как справедливо отмечает И.С. Шиткина, между субъектами хозяйствования возникают отношения экономической зависимости, когда воля зависимого лица формально сохраняется, то есть отношения складываются между самостоятельными субъектами, но процесс формирования воли зависимого субъекта изменяется, находясь под контролем преобладающего субъекта [5, с. 31]. В результате экономической зависимости происходит перемещение объекта воздействия с волеизъявления на волю участника правоотношения. При данном воздействии имеет место совпадение воли и волеизъявления зависимого субъекта, однако его воля находится под контролем другого лица. Это исключает возможность предотвращения и устранения негативных последствий сделок с заинтересованностью посредством обычных правовых конструкций оснований недействительности сделок, в основе которых лежит факт несовпадения воли и волеизъявления. Поэтому для предотвращения и устранения негативного воздействия посредством использования экономической зависимости контрагента необходимы иные правовые механизмы. При этом следует отметить, что термин «экономическая зависимость», употреблённый И.С. Шиткиной применительно к формированию воли одного субъекта под влиянием другого, не оптимален [5, с. 31]. Безусловно, экономический фактор является определяющим при формировании зависимости

конкретных субъектов. Данный фактор – первичное условие возникновения зависимости. Участие одного юридического лица в уставном фонде другого основывается на вложении инвестиций в уставный фонд. Однако во многих случаях зависимость между субъектами формируется не с момента возникновения экономического интереса, а с момента возникновения определённых правовых отношений между ними. В связи с этим следует констатировать, что причиной зависимости может являться определённая правовая связь между субъектами, а экономическая составляющая – лишь основной фактор формирования этой причины. При отсутствии правовой связи формирование воли другого субъекта возможно, но затруднительно. Poleмика о термине «экономическая зависимость» имеет определённое практическое значение. Характер и степень влияния зависимости на формирование воли контрагента определяются не экономическим интересом, породившим эту зависимость, а типом правовой связи, закрепившим её! Количество голосов на общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью определяется не размером вклада в его уставный фонд, а размером доли в уставном фонде этого общества и содержанием прав и обязанностей участника по отношению к обществу. Согласие на изменение условий договора во многом определяется не экономическим интересом к его предмету, а содержанием норм гражданского законодательства и условий самого договора. При разработке мер по совершенствованию правовых норм, устанавливающих механизмы защиты добросовестных участников экономических отношений от неблагоприятного воздействия зависимости, следует учитывать, прежде всего, не экономические факторы её возникновения, а правовые формы закрепления. В связи с этим, на наш взгляд, применительно к рассматриваемому явлению следует употреблять термин «правовая зависимость» или «экономико-правовая зависимость». Такие термины в большей степени отражают сущность той зависимости, под воздействием которой формируется воля зависимого субъекта.

Использование зависимости другого субъекта для получения неосновательной выгоды имеет несколько форм, однако наиболее распространённой и эффективной из них является совершение сделок с зависимыми субъектами. Сделка – основной инструмент распределения и перераспределения материальных ресурсов. Именно она позволяет недобросовестным участникам корпорации с наибольшей эффективностью передать активы корпорации своим зависимым субъектам безвозмездно или по минимальной цене. Такое присвоение экономически безосновательно, но с правовой точки зрения оно законно, так как формально является результатом сделки между двумя дееспособными субъектами. В связи с этим в рамках разных правовых систем разрабатывались и находили отражение в источниках права механизмы защиты прав и законных интересов инвесторов. Однако данные механизмы не лишены недостатков, затрагивающих как степень их эффективности, так и создающих негативный побочный эффект. Использование зависимости контрагента – новое, малоизученное правовое явление.

Для противодействия неблагоприятному использованию зависимости контрагента в ряде государств были разработаны и закреплены разные правовые механизмы:

- в корпоративном праве Российской Федерации – особый порядок совершения сделок с заинтересованностью участников и членов органов управления обществ (акционерных и с ограниченной ответственностью);
- в корпоративном праве Республики Беларусь – особый порядок совершения сделок с заинтересованностью аффилированных лиц хозяйственных обществ;
- в корпоративном праве США – особый порядок совершения сделок с конфликтным интересом и механизм проверки сделки «на справедливость»;
- в корпоративном праве ФРГ – проверка соответствия сделок компаний с участниками органов управления определённым стандартам (стандартизация конфликтных сделок).

Следует отметить, что каждый из данных механизмов имеет свои особенности и недостатки. Нормы российского и белорусского корпоративного права о сделках с зависимыми субъектами исходят из предположения о негативном влиянии заинтересованности определённых субъектов в совершении данных сделок. Такой подход может затруднить совершение выгодной для корпорации сделки. Нормы американского и германского корпоративного права исходят из презумпции неопределённости влияния зависимости контрагента на эффект сделки и её результаты. Такой подход эффективен только при исключительной активности субъектов, чьи интересы нарушены в результате совершения сделки, что не всегда возможно.

Кроме того, презумпция неопределенности влияния зависимости контрагента может быть основана на усложнённых правовых нормах, содержащих дефиниции, трактовка которых бывает неоднозначной, со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Слабые стороны данных правовых механизмов являются следствием недооценки анализа соотношения ряда правовых явлений, оказывающих влияние на формирование воли контрагента по сделке. Эти правовые явления могут быть обозначены следующими терминами: «заинтересованность», «зависимость», «взаимосвязь».

В качестве иллюстрации недооценки соотношения вышеперечисленных категорий следует привести разные комментарии одних и тех же норм российского корпоративного права об особом порядке совершения сделок с заинтересованностью.

По мнению М.В. Телюкиной, особые правила, касающиеся заинтересованных сделок, установлены в целях защиты акционеров от действий исполнительных органов, осуществляемых не в интересах общества, а в интересах собственных либо иных субъектов [6]. Согласно аналогичной точке зрения М.Ю. Тихомирова, понятие «заинтересованность» в контексте правил гл. XI Закона Российской Федерации об акционерных обществах означает заинтересованность конкретного лица в определении условий сделки, выборе контрагента, обусловленную его личным материальным или иным интересом, не совпадающим с интересами большинства акционеров и (или) общества в целом [7]. В отличие от приведенных выше точек зрения В.Г. Коряковцев считает целесообразным сделать акцент как на конфликте интересов, так и на возможности оказания влияния определёнными лицами [8].

Необходимость наличия в законодательстве о хозяйственных обществах норм о сделках с заинтересованностью очевидна, так как крупные инвесторы, являясь участниками одновременно нескольких коммерческих организаций, для реализации собственных инвестиционных стратегий могут жертвовать интересами одних компаний в пользу других. Подобными действиями наносится ущерб интересам иных участников хозяйственных обществ. Как справедливо отметил Конституционный Суд Российской Федерации, в конституционно-правовом истолковании норма, определяющая порядок совершения акционерным обществом сделок, в совершении которых имеется заинтересованность его акционеров, направлена на реализацию конституционного требования, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [9]. Однако любая правовая гарантия, создаваемая посредством установления ограничения прав и свобод, может повлечь ущемление интересов иных субъектов права и (или) привести к возникновению осложнений при осуществлении хозяйственной деятельности. Поэтому любая правовая гарантия, основанная на ограничении прав и свобод, должна разрабатываться с учётом критерия «соотношения защищаемого интереса и последствий ограничения прав». Этим обусловлена целесообразность анализа действующего законодательства в данной сфере. Как справедливо отмечает Г.А. Василевич, ограничения прав и свобод не должны быть произвольными, они могут быть обусловлены необходимостью обеспечения прав и свобод других лиц, в частности более слабых участников правоотношения [10]. Однако при установлении конкретного правоограничения указанное правило достаточно сложно реализовать, на что, например, делает акцент М.В. Баглай [11, с. 165]. При установлении того или иного правоограничения затруднительным является определение соразмерности этого ограничения и достигаемого с его помощью результата – надлежащего уровня защиты прав и свобод других лиц [11, с. 165].

Необходимость выявления и корректировки правовых норм, которые, с одной стороны, создают дополнительные барьеры при вложении инвестиций, а с другой, не предоставляют достаточных гарантий защиты прав инвесторов и иных субъектов права. В связи с этим представляется оправданной оценка уровня соответствия обозначенному критерию норм о сделках хозяйственных обществ, в отношении которых имеется заинтересованность. Для применения данного критерия необходимо учитывать такие факторы, как степень ограничения прав и свобод, экономические и правовые последствия ограничений, соотношение причинённого и предотвращённого ущерба в результате реализации гарантии. Обе группы приведенных факторов не были учтены в полном объёме при разработке правовых норм о сделках с заинтересованностью, что обусловило их недостатки, к которым следует отнести:

– отсутствие возможности реализации гарантии прав общества и его участников при возникновении неблагоприятной заинтересованности, сложившейся под влиянием любых других факторов, за исключением взаимосвязи с контрагентом общества;

– отсутствие возможности реализации гарантии прав общества и его участников при возникновении заинтересованности определённого субъекта, например директора общества, в несовершении выгодной сделки;

– неопределённые правовые последствия совершения сделки с заинтересованностью на торгах;

– применение особого порядка совершения сделок общества с контрагентами, взаимосвязанными с такими субъектами, которые не могут оказать существенного влияния на общество.

Заключение. Рассмотренные недостатки правовых норм о сделках с заинтересованностью способны повлечь негативные последствия как для самого общества, так и для его инвесторов, которые могут выражаться:

– в отсутствии возможности предотвращения или устранения ущерба, причинённого совершением неблагоприятной сделки;

– в отсутствии возможности совершения обществом выгодной для него и его инвесторов сделки, противоречащей интересам иных субъектов.

Существенные недостатки имеются не только в нормах о сделках с заинтересованностью, содержащихся в законодательстве Республики Беларусь, но и в нормах корпоративного права Российской Федерации. Не лишены недостатков и нормы о неблагоприятных сделках, содержащиеся в правовых актах США и ФРГ. В связи с этим при разработке мер по совершенствованию норм о сделках с заинтересованностью, на наш взгляд, не следует принимать за основу эталонную модель их правовой регламентации. Вышеизложенное обуславливает актуальность любого исследования правовых норм, регламентирующих сделки с заинтересованностью. При проведении соответствующих исследований большое значение имеет правильная оценка значимости отдельных факторов, влияющих на принятие хозяйственным обществом решения о совершении сделки с заинтересованностью его аффилированных лиц.

Литература

1. Об инвестициях : Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 г., № 53-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

2. Конвенция о защите прав инвестора : заключена в г. Москве 28 марта 1997 г. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

3. Гражданское право : учеб. В 2 ч. – 3-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 1998. – Ч. 1. – 632 с.

4. Борисов, Е.Ф. Экономическая теория : учеб. / Е.Ф. Борисов. – М. : Юристъ, 1997. – 568 с.

5. Шиткина, И.С. Правовое регулирование экономической зависимости / И.С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2010. – № 8. – С. 31–50.

6. Телюкина, М.В. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» / М.В. Телюкина // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

7. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» в новой редакции (постатейный) / В.В. Залесский [и др.]; под ред. М.Ю. Тихомирова. – М. : Издательство Тихомирова М.Ю., 2007. – 572 с.

8. Коряковцев, В.Г. Постатейный комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» / В.Г. Коряковцев. – М. : ГроссМедиа, 2007. – 528 с.

9. Постановление по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального Закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации, 10 апр. 2003 г., № 5 – П // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

10. Василевич, Г.А. Научно-практический комментарий к Конституции Республики Беларусь / Г.А. Василевич // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

11. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации : учебн. для юрид. вузов и факультетов / М.В. Баглай. – М. : Издательская группа Норма-Инфра М, 1998. – 752 с.